

Ювенал

Сатиры

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю14

Ю14 **Ювенал**
Сатиры / Ювенал – М.: Книга по Требованию, 2022. – 245 с.

ISBN 978-5-521-39359-6

ISBN 978-5-521-39359-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

такъ что и такимъ особнякамъ, какъ напр. Японія, не остается другаго средства къ широкому образованію, какъ примкнуть къ Европейскому теченію. Равнымъ образомъ не въ силахъ мы закрыть глазъ передъ фактомъ, что мусульманское образованіе въ періодъ своего расцвѣта, въ лицѣ Арабовъ и Персовъ, вынуждено было примкнуть къ тому же могучему, торжествующему теченію. Ревнители образованія помимо классической науки являются на наши глаза людьми желающими стремиться въ невѣдомые страны и самостоятельно долбящими для этихъ цѣлей „впервые утлый челнъ“, вмѣсто того, чтобы сѣсть на винтовой пароходъ, управляемый хорошо изучившимъ морскую карту капитаномъ и ѣхать въ открытую за 400 лѣтъ Колумбомъ Америку, запасшись печатнымъ путеводителемъ.

Не думая отгнать значенія тѣхъ знаній, каковыя слывуть подъ именемъ общаго образованія, мы тѣмъ не менѣе не можемъ преувеличивать этого значенія, хотя признаемъ, что истинно человѣческое (*humaniora*) образованіе безъ нихъ даже немыслимо; ибо возможно ли себѣ представить историка, философа или истиннаго служителя искусствъ, который бы никогда неслыхивалъ о Парагваѣ, Коперникѣ, артеріяхъ, биномѣ, кислородѣ и даже протоплазмѣ. Тѣмъ не менѣе всѣ подобныя отрывочныя знанія, какъ бы велики они не были сами по себѣ, не даютъ права человѣку на титулъ образованнаго, точно также, какъ окраска пасхальнаго яйца не даетъ права собственно яйцу на названіе крашеннаго; ибо разрѣзанное оно, не взирая на яркую скорлупу, такое же не тронутое краской яйцо какъ и не крашенное. Еще Понне сказалъ: „благороднѣйшій предметъ изученія для человѣка—самъ человѣкъ“ И чтобы мы ни дѣлали, существенѣйшими и интереснѣйшими вопросами для человѣка всегда останутся тѣ, къ разрѣшенію которыхъ стремится религія, философія и искусство, каждая съ своей стороны насущными средствами. Приступая къ такимъ вопросамъ, духъ человѣческій вынужденъ исхо-

дять изъ себя и къ себѣ же какъ центру возвращаться.

То что слыветъ общимъ образованіемъ не болѣе какъ канва, по которой приходится усидчиво выводить узоры,—это планъ, по которому мы только можемъ сообразить въ какую сторону искать въ городѣ той или другой улицы, но ни какъ не ознакомиться съ самимъ городомъ. Въ этомъ случаѣ гораздо ближе ознакомить съ бытомъ Ньюіорка, пребываніе въ той или другой туземной семьѣ или средѣ, чѣмъ самое добросовѣстное чужое описаніе этого быта. Что-же сказать о знакомствѣ съ чужихъ словъ, съ произведеніями искусства? Самая плохая фотографія или шарманка доставляетъ болѣе возможности познакомиться съ Венерой Милосской, Мадонной или Нормой, чѣмъ всевозможныя словесныя описанія. Тоже самое можно сказать и о переводахъ геніальныхъ произведеній. Счастливъ переводчикъ, которому удалось хотя отчасти достигнуть той общей прелести формы, которая не разлучна съ геніальнымъ произведеніемъ; это высшее счастье и для него и для читателя. Но не въ этомъ главная задача, а въ возможной буквальности перевода; какъ бы послѣдній ни казался тяжеловатъ и шероховатъ на новой почвѣ чужаго языка, читатель съ чутьемъ всегда угадаетъ въ такомъ переводѣ силу оригинала, тогда какъ въ переводѣ, гоняющемся за привычной и пріятной читателю формой, послѣдній большею частью читаетъ переводчика, а не автора.

Имѣя въ настоящее время дѣло съ литературнымъ произведеніемъ, мы просимъ читателя оглянуться въ отечественной литературѣ—и указать намъ хоть на одинъ отдѣлъ, который, въ силу упомянутой необходимости, примкнуть къ обще-европейскому образованію, не былъ бы отраженіемъ или проще подражаніемъ тому же въ Европѣ. Съ той минуты, какъ геніальный Ломоносовъ перенесъ нашъ языкъ съ общихъ до сихъ поръ большинству Славянъ бѣдныхъ узкоколейныхъ силлабическихъ рельсовъ на ширококолейную антично-нѣмецкую тоническую дорогу, мы только подражали и подражаемъ

по сей день. Безъ Парни, Шенье, Байрона, Шиллера, Гёте, Шекспира, Вальтеръ Скотта, Теккерея и т. д. у насъ не было бы ни Жуковского, ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Тютчева, ни Тургенева, ни Гончарова, ни Толстыхъ, ни Писемскаго, ни Островскаго и т. д.

Если-бы возможно было опредѣлить цифрами процентъ дѣйствительнаго образованія внесеннаго въ нашу народность Иліадою Гнѣдича и Одиссеей Жуковского, то безъ сомнѣнія цифра оказалась бы почтенной. Невозможно требовать отъ массъ способности читать классиковъ въ оригиналѣ, но какой свѣтъ проливаетъ добросовѣстный переводъ и на тѣхъ, которые внимательно и медленно изучаютъ оригиналъ, мы помнимъ изъ школы, гдѣ въ концѣ семетра учителя, пройдя съ нами известное число пѣсень Энеиды или Иліады, читали намъ въ награду тѣ же мѣста по Фоссу. Гдѣ же у насъ за исключеніемъ Иліады и Одиссеи стихотворные переводы классиковъ, которыми изобилуютъ наши старшіе братья по обще-европейскому образованію? Ихъ нѣтъ, а они необходимы. Насколько бѣзлѣтній старикъ въ силахъ удовлетворить этой потребности, мы стараемся послужить дѣлу. Честь и слава тому, кто оставитъ насъ за флагомъ. Читателю способному заподозрить насъ въ стремленіи къ полемикѣ или доктринерству, отвѣтимъ словами Фауста:

„Не мнѣ я, что нѣчто хорошее знаю,
Не мнѣ, что чему то могу поучать,
Людей исправлять и на путь наставлятъ.“

Но благодаримъ Бога, пославшаго намъ охоту и возможность всматриваться въ причины, по которымъ отдѣльные народы въ извѣстные періоды своей жизни, не взирая на сравнительную высоту общей образованности, впадали въ какую то безшабашную разнузданность страстей и какъ бы на пропащую отворачивались отъ того, что величайшій отступникъ въ глубинѣ души сознаетъ прекраснымъ; ставя превыше всего удовлетво-

реніе плотскимъ вожделѣніямъ и главнѣйшее къ тому средство—деньги.

Съ такимъ именно періодомъ Нероновъ считался нашъ авторъ. Нечего говорить, что такія періоды самыя не благопріятныя для чистаго искусства. Искусство, по существу своему требующее сочувствія публики, должно бы, оставаясь вѣрнымъ своему внутренему смыслу, замирать во времена, когда публика бѣжитъ не ко внутренней, безотносительной типичности и созерцанію красоты, а ко внѣшнимъ наслажденіямъ. Говоря не тенденціями, искусство поучаетъ своей красотой, а изображая безобразія оно становится во внутреннее противорѣчіе и является отталкивающей безсмыслицей; по этому музыкальная, архитектурная, живописная, скульптурная сатира или пропаганда какъ разъ производятъ антиэстетическое, отталкивающее впечатлѣніе. Исключеніе представляетъ одна литература, такъ какъ слово можетъ служить и искусству и поученію и красотѣ и порицанію безобразія. Все это глубоко сознавалъ нашъ авторъ и ярко высказалъ въ первой сатирѣ, гдѣ прямо отказывается отъ тихаго созерцательнаго искусства, и объявляетъ, что его перомъ исключительно водить негодование. Если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ—могучій поэтъ, то вовсе не въ силу этого онъ сатирикъ, а въ силу того, что будучи вынужденъ стать сатирикомъ, не можетъ скрыть въ себѣ поэта, какъ, отказавшаяся отъ свѣта, монахиня не въ силахъ скрыть своей дѣвственной красоты. Вотъ это то счастливое совпаденіе такъ высоко цѣнится въ Ювеналѣ.

Такая могучая и цѣльная натура, какъ Ювеналъ, не могла на ряду со всѣми истинными художниками, подпасть подъ то самоубійственное раздвоеніе, не оправдываемое ни логической сущностью дѣла, ни вѣковѣчнымъ опытомъ, которое въ теченіе столькихъ лѣтъ торжествовало въ нашемъ эстетическомъ ученіи: будто искусство обязано поучать и исправлять людей. Ювеналъ не только зналъ, что въ словесномъ искусствѣ, въ

отличіе отъ всѣхъ другихъ, является возможность и воспроизводить данные предметы, и выражать возбужденное ими въ писателѣ впечатлѣніе; но и пользовался послѣдней возможностью въ изумляющихъ размѣрахъ. Онъ говоритъ о современныхъ порокахъ съ пѣной у рта, но вопіетъ по невольному чувству, также какъ нервный человѣкъ, стоящій на берегу, можетъ предаваться отчаянью, при видѣ бѣдствій кораблекрушенія, которому онъ помочь, за полной невозможностью, и не помышляетъ.

Возвращаясь къ нашему сравненію, мы видимъ себя на необитаемомъ островѣ и поэтому невольно рождается вопросъ: съ кѣмъ же мы бесѣдуемъ? Очевидно съ тѣмъ благосклоннымъ читателемъ, который на своей одинокой лодочкѣ, завидя издали возводимое воспроизведеніе римскаго автора, направится къ нему по волнамъ окружающей насъ цензуры, существующей въ интересахъ того же читателя. А какъ интересы ихъ въ данномъ случаѣ солидарны, то обращаясь къ читателю, мы обращаемся и къ нашему цензору.

Читатель! прежде, чѣмъ вы вступите на нашъ необитаемый островъ, позвольте напомнить вамъ мудрый совѣтъ Гете: „кто хочетъ понять поэта, долженъ вступить въ страну поэта“. Нравственная чистота поэтическихъ образовъ дѣло великое, но чистота эта зависитъ не столько отъ самыхъ предметовъ, сколько отъ отношеній къ нимъ художника и вслѣдствіе этого отъ произведеннаго ими впечатлѣнія. По этому, приступая къ нашему зданію, не воздѣвайте рукъ съ выраженіемъ оскорбленнаго нравственнаго чувства.

Правда, нечего грѣха таить, Ювеналь не церемонится съ предстоящими передъ нимъ картинами современнаго разврата; но ваши восклицанія, читатель, мы должны были бы счесть или жеманнымъ притворствомъ или совершеннымъ незнаніемъ. Если же, сойдя съ нашего острова, взглянуть на вашъ материкъ, куда мы не рѣдко ѣздимъ за провизіей, то окажется, что нравствен-

ная разшатанность тамъ никогда болѣе, чѣмъ въ настоящее время не подходила къ тому, противъ чего вопіетъ Ювеналь.

Если же вы не знаете и не чувствуете, что красивыя статуи временъ упадка древней скульптуры и новѣйшіе французскіе романы представляютъ наготы въ соблазнительномъ видѣ, то и не поймете, что безнравственное на сторонѣ такихъ произведеній, а не на сторонѣ Ювенала. Если же и затѣмъ вы будете настаивать на томъ, что наготы совершенно безотносительно къ данному времени (безсмыслица) сами по себѣ не могутъ быть допускаемы, то мы укажемъ на творенія, находящія несравненно многочисленнѣйшій кругъ читателей и представляющія нерѣдко наготы, которымъ Ювеналь могъ бы позавидовать, но которыми ни одинъ здравомыслящій не возмущается, чувствуя себя съ первыхъ строкъ перенесеннымъ совершенно въ другой міръ и другое міросозерцаніе. Если Ювеналь съ такимъ ожесточеніемъ нападаетъ на извѣстные античныя пороки, утратившіе въ новомъ мірѣ, съ измѣнившимся положеніемъ женщины, свою силу, то все остальное о мошенничествахъ, адвокатскихъ уловкахъ, попрошайствѣ, утратѣ высшимъ обществомъ художественныхъ инстинктовъ, обоготвореніи денегъ, приводящемъ къ несказаннымъ звѣрствамъ, словно списано — съ нашей современности. Можно обладать несомнѣннымъ даромъ карикатуры и сатиры, дающимъ возможность находить смѣшное и въ самыхъ прекрасныхъ и достойныхъ уваженія предметахъ. Но спросите у такого сатирика, во имя чего онъ бичуетъ то или другое? Гдѣ и каковъ его идеалъ? Увы! въ большинствѣ случаевъ этотъ идеалъ отсутствуетъ, а въ наилучшемъ самъ идеалъ мизернѣе и смѣшнѣ всякой карикатуры. Не таковъ идеалъ ювеналовской сатиры. Бичуя современныя уклоненія, Ювеналь твердо вѣритъ въ коренную Римскую доблесть и здравомысліе. Мало того, онъ стоитъ на самой высотѣ стойческаго ученія, указывающаго не только на должное, но и на причины: почему?

Пусть для примѣра читатель прочтетъ сатиры XV ст. 131—158 и положи руку на сердце скажетъ: много ли въ сущности новѣйшая этика прибавила ясности и вѣрности въ своихъ основахъ? А вѣдь это высказано въ 27 стихахъ, а не въ цѣлыхъ томахъ!

Тѣмъ не менѣе признаемся, что всюду смягчили слишкомъ рѣзкія отдѣльныя выраженія, но смягчить самый текстъ невозможно тамъ, гдѣ бичеваніе извѣстнаго порока составляетъ содержаніе сатиры. Въ этомъ случаѣ смягчить значитъ или сочинить свою сатиру или совершенно вычеркнуть оригинальную, какъ мы это сдѣлали съ IX.

До сей минуты Ювеналъ дѣйствительно какъ бы вычеркнуть изъ нашей литературы, въ которой рѣшались только „потолковать о Ювеналѣ“ его не читавши. Но на нашемъ островѣ подражательное зданіе возведено съ возможной близостью къ оригиналу, и читатель, не страшась холостой бесѣды древняго Рима, пусть оставитъ маску лицемѣрія въ своемъ челнокѣ и благодушно вступитъ въ пестрые корридоры ювеналовскихъ сатиръ.

Къ взаимному ободренію скажемъ, что по нашему зданію съ оригиналомъ въ рукахъ, проходилъ русскій знатокъ древностей, могущій противопоставить свое глубокое знаніе первымъ современнымъ знатокамъ въ Европѣ.

Тѣмъ не менѣе благоразумный читатель можетъ намъ замѣтить, что мы слишкомъ рано появляемся на рынокъ съ нашимъ товаромъ, на который спросу не предвидится. Мы до такой степени раздѣляемъ это мнѣніе, что изготовили нашъ товаръ въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Кому же мы мѣшаемъ, передавая, по выраженію Шопенгауэра, наши труды черезъ головы одного или многихъ поколѣній? Кто-нибудь да скажетъ покойнику спасибо; а главное, что, трудясь, онъ говоритъ его самъ себѣ.

Жизнь и творенія Ювенала.

При существовавшемъ у древнихъ способѣ сохраненія и распространенія литературныхъ произведеній, при отсутствіи печати, понятны тѣ вставки переписчиковъ, которыми изобиловали рукописи, и въ рукописяхъ, созданныхъ дружеской рукой по манускриптамъ самого автора, появлялись и варьанты той же самой мысли, выраженной послѣдовательно различными стихами. При такомъ положеніи дѣла и сжатости древнихъ, нельзя удивиться постоянной заботѣ грамматиковъ и схолиастовъ (толкователей) объ объясненіи самого текста, который будучи и тогда, въ сравнительно ближайшее время, мѣстами непонятенъ, явился бы для насъ чуть не пустымъ наборомъ словъ. Но и въ добросовѣстной работѣ древнихъ ясно выступаетъ различіе ихъ воззрѣнія на дѣло отъ нашего современнаго. Сосредоточивая вниманіе на сочиненіи, они мало занимались личностью и жизненными условіями автора, тогда какъ въ наше время критики ставятъ себѣ въ заслугу натащить все, даже никогда не предназначавшееся авторомъ къ обнародованію, и выводить на свѣтъ такіа біографическія подробности, которыя только усложняютъ задачу характеристики писателя. Въ наше время критики, какъ мухи, только засиживаютъ и портретъ и произведенія писателя.

Но, указанное нами у древнихъ, направленіе критики приводить къ совершенной безвѣстности личной жизни писателя, напр. нашего Ювенала, такъ что все, что мы съ большей или меньшей достовѣрностью въ состояніи высказать, является плодомъ соображеній новѣйшихъ критиковъ, а не основано на какихъ либо историческихъ свидѣтельствахъ.

Не вдаваясь въ цѣлый отдѣльный міръ Ювеналовской литературы съ его различными и порою противоположными выводами, дозволяемъ указать читателю на главныя артеріи этого дѣла и притомъ на столько, сколько необходимо для знакомства съ самимъ текстомъ. Между множествомъ рукопи-

сей, сохранившихъ до насъ текстъ, легко различить два класса. Изъ древнѣйшихъ текстовъ сохранился только Budensis или Pithaeapus, каторый изъ Офена (Буды), гдѣ главнымъ собирателемъ рукописей былъ Матѳей Корвинъ, перешелъ въ Montpellier въ библіотеку de l'école de médecine (№ 125.) Эта рукопись вѣроятно IX вѣка. Второй многочисленный классъ рукописей изобилуетъ тѣми недостатками, о которыхъ мы выше упомянули, происшедшими частію отъ излишней добросовѣстности, а частію отъ предпочтенія не ясно написанному и подчищенному тексту болѣе яркаго, хотя и менѣе вѣрнаго.

Для правильнаго пониманія какъ самаго текста, такъ и болѣе правдоподобной постановки главнѣйшихъ вопросовъ жизни нашего автора, весьма важно, что и самая литературная дѣятельность Ювенала видимо распадается на два періода. Въ первомъ онъ является безошаднымъ сатирикомъ, не смягчаемымъ никакими обще-философскими размышленіями. Въ этомъ періодѣ онъ пишетъ картины гнуснаго разврата, безъ всякаго проблеска свѣта,— чернымъ по черному, а во второмъ онъ, какъ бы укрощенный годами и философскими размышленіями, отъ личной сатиры уже переходитъ къ общему обзорнѣю пороковъ и даже къ эпистолярному изложенію своихъ мыслей. Хотя сатиры носящія послѣдній характеръ и разбросаны по всему сочиненію, которое распределѣно на пять книгъ, но онѣ явно принадлежать къ періоду жизни перешедшему 60-лѣтній возрастъ поэта, дожившаго до 80 лѣтъ. При разнообразіи возрѣній на послѣдовательныя судьбы нашего поэта, мы могли бы безъ всякихъ затрудненій сунуть читателю то не многое, что намъ несомнѣнно извѣстно. Но мы считаемъ такое отношеніе къ дѣлу слишкомъ недобросовѣстнымъ и безцеремоннымъ. Если мы и ошибемся, то желаемъ хоть указать, чѣмъ мы введены были въ ошибки. Чтоже наконецъ достовѣрно извѣстно изъ жизни Ювенала? То, что онъ родился въ Аквинумѣ (Aquinum) въ странѣ Вольсковъ, прошелъ систематически классы грамматики, риторики и философіи, былъ публичнымъ ораторомъ въ своемъ городѣ, затѣмъ при Домиціанѣ военнымъ *трибуномъ*, *Дуумвиромъ*, *Фламиномъ* (жрецомъ) *Божественнаго* Веспасіана, какъ видно изъ сохранившейся надписи, посвященной имъ на родинѣ въ храмъ Цереры. Онъ былъ другомъ Марціала, пріятелемъ Стація и знакомымъ Квинтильяна. Былъ (вѣроятно въ качествѣ военнаго трибуна) въ Британніи и жилъ въ верхнемъ Египтѣ. Вотъ и весь скудный запасъ достовѣрныхъ извѣстій. Но расположить и ихъ въ сколько нибудь стройное и правдоподобное цѣлое можно только съ крайней осмотрительностію. Хотя въ одномъ

(Vita) жизнеописанія сказано, что онъ *сынъ или воспитанникъ зажиточнаго вольноотпущеннаго*, но съ этимъ согласиться трудно. По всему тону его отношеній къ родовитымъ всадникамъ, по значительности занимаемыхъ имъ должностей, доступныхъ плебеймъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, даже по его надменному отзыву о брадобрѣ Циннамъ (Сат. I. 1. 25.), получившемъ званіе всадника, послѣ того какъ онъ самому поэту брилъ бороду съ трескомъ, — надо предположить, что Ювеналь сынъ всадника, или свободнаго гражданина изъ рода Юніевъ.

Чтобы читателю понятны были наши соображенія касательно извѣстныхъ лѣтъ жизни поэта, приводимъ таблицу лѣтъ царствованій, съ которыми такъ или иначе соприкасается дѣятельность Ювенала.

Клавдій.....	41— 54	по Р. Хр.
Неронъ.....	54— 68	„ „ „
Гальба, Оттонъ, Виттелій ...	68— 70	„ „ „
Веспасіанъ	70— 79	„ „ „
Титъ.....	79— 81	„ „ „
Домиціанъ	81— 96	„ „ „
Нерва.....	96— 98	„ „ „
Траянъ	98— 117	„ „ „
Адріанъ	117—138	„ „ „
Антонинъ.....	138—161	„ „ „

Зная что XV Сатира написана 127 г. по Р. Хр. большинство критиковъ отсчитывая 80 лѣтъ жизни Ювенала, полагаетъ 47 годъ годомъ его рожденія. Но потому же расчету выходитъ, что Ювеналь на 70 году своей жизни написалъ или издалъ VI сатиру, отличающуюся свойственной ему рѣзкостью тона, а затѣмъ перешелъ къ болѣе мирному настроенію и міросозерцанію. Конечно такіе рѣзкіе переходы встрѣчаются напр. въ Гофизѣ, но не на 8-мъ десяткѣ отъ рожденія.

А. Widal. Juvenal et ses satires (Paris 1870. p. XIV.) справедливо говоритъ: c'est le siècle de Domicien, c'est l'universelle perversité romaine sous cet effroyable tyran, qu'attaque et que stigmatie notre poète. Равнымъ образомъ Тейффель указываетъ на необходимость предположить, что Ювеналь прожилъ время Домиціана въ полномъ и зрѣломъ сознаніи. На этотъ фактъ необходимо опираться при разбирательствѣ дѣла. Нѣтъ надобности распространять этого положенія и на время Нерона, играющее у Ювенала второстепенную роль; ибо такимъ путемъ слѣдовало-бы допустить зрѣлость поэта и во времена Тиверія, съ которыми онъ, подобно Тациту могъ познакомиться по пись-